М. П. БАСКИН

Монтескье и Россия

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Многие представители французской общественной мысли XVIII столетия, в особенности просветители, с большим интересом относились к России, русскому народу, его истории и культуре. Достаточно назвать имена Вольтера и Дидро. Среди исторических трудов Вольтера одно из видных мест занимает «История царствования императора Петра Великого». Значительный интерес представляет его поэма «Русский в Париже».

В монографии К. Н. Державина, посвященной Вольтеру*, приведен интересный список русских знакомств этого просветителя; в нем фигурируют только те деятели России, с которыми Вольтер или встречался, или находился в систематической переписке. Здесь и Антиох Кантемир, и Сумароков, и великий Ломоносов, и такие политические деятели, как канцлер граф М. И. Воронцов, князь Д. А. Голицын, И. И. Шувалов, граф К. Г. Разумовский и многие другие.

Мы уже не говорим о взаимоотношении Вольтера с императрицей Екатериной, в которой он видел потенциального врага Ватикана и принципиального противника французского абсолютизма. Подобно Вольтеру Дидро и другие просветители надеялись найти в русской императрице просвещенную государыню, которая

* см.: Державин К.И. Вольтер. — М., 1946.

произведет необходимые реформы «сверху», без революции «снизу»; последней опасались даже самые радикальные буржуазные философы XVIII столетия.

Таким образом, интерес Монтескье к России не является исключением, в отличие от французских реакционеров, третировавших все русское, Монтескье пристально изучал русскую историю, экономическую политику царского правительства и высказывал глубоко оптимистические суждения о будущем русского народа.

В «Персидских письмах» Монтескье повествует о России от имени мнимого персидского посланника, проживающего в Московии. Политический строй царской России не пользовался симпатиями французского просветителя. Он характеризует русского государя как неограниченного властителя над жизнью и имуществом своих подданных. Даже персидский владыка, писал он, «Наместник пророков, царь царей, кому небо служит балдахином, а земля — подножием, не так страшен, когда пользуется своей властью» *.

Вместе с тем Монтескье не переносит своей антипатии к царскому режиму на русский народ. В книге «О духе законов» Монтескье высоко ценит патриотизм русского народа, доказанный в войне со шведами, выносливость русских солдат, их настойчивость, твердость духа при поражении, их умение в конечном счете добиваться победы.

В главе, посвященной шведскому королю Карлу XII, Монтескье пишет: «Этот государь, опиравшийся только на свои собственные силы, погубил себя потому, что строил замыслы, требовавшие для своего выполнения долгой войны, которая была не по силам его государству.

Он задумал сокрушить не государство в период упадка, а империю в период ее зарождения. Для московитов война с ним явилась хорошей школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя внешний урон, научились внутренней обороне.

Блуждая по пустыням Польши, которые как бы стали частью Швеции, он считал себя повелителем мира, между тем как его главный враг укреплялся против него, теснил его, утверждался на берегах Балтийского моря и частью разрушал, частью завоевывал Ливонию.

---

* Монтескье, Ш. Персидские письма. — М., 1936. — С. 107.

Швеция походила на реку, течению которой дали другое направление, поставив плотину у ее истока.

Не Полтава погубила Карла, он все равно погиб бы если не в этом, так в другом месте.

Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей.

Однако главным врагом его была не столько природа или фортуна, сколько он сам. В своей деятельности он не считался с существующим положением вещей...» *.

Придавая огромное значение климатическим условиям, Монтескье рассматривал холодный русский климат и обширные территории страны в числе главных причин возникновения царского самодержавия. Однако он признавал, что географическая среда не препятствует русским вести политическую борьбу со своими монархами.

Особенный интерес представляет заявление Монтескье о глубоком противоречии между деспотическим режимом в царской России и интересами прогрессивного развития русской экономики. Россия, заявляет он, прежде всего нуждается в торговле, а торговля, для того чтобы сделаться прочной, требует денежных операций.

Однако эти операции наталкиваются на деспотические законы, воспрещающие денежные от¬ношения с иностранными государствами. Русский народ состоит из крепостных, фактически являющихся рабами, и из духовных или дворянских лиц, являющихся политическими рабами своего государя. России не хватает прежде всего третьего сословия, которое должно состоять из ремесленников и купцов.

Таким образом, в осторожной форме Монтескье говорил о необходимости изменения экономического и политического строя в России, отмены крепостничества, уничтожения несправедливых законов и поощрения деятельности третьего сословия. Его социально-политическая программа для России в ряде решающих вопросов совпадает с его программой политических реформ во Франции.

Останавливаясь на важнейших событиях из русской истории, Монтескье особое внимание уделил деятельности Петра I, петровским реформам. Он видел в Петре I выдающегося политического

* Монтескье, Ш. Избранные произведения. — М. 1955. — С. 282–283.

деятеля и отмечал, что его смелые мероприятия наталкивались на сопротивление реакционных сил.

«Московиты, — заявляет Монтескье, — совсем не могут выезжать из своего государства, хотя бы даже для путешествия. Таким образом, будучи отделены от других наций законами своей страны, они сохранили свои древние обычаи с тем большей к ним привязанностью, что они и не думают, что можно иметь другие. Но царствующий ныне государь захотел все переменить. У него вышли большие неприятности с ними по поводу их бород, а духовенство и монахи немало боролись, отстаивая свое невежество.

Он стремится к тому, чтобы искусства процветали, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ, до сих пор всеми забываемый и известный только у себя на родине. Беспокойный и стремительный, он скитается по своим обширным владениям, всюду проявляя свою природную суровость.

Он покидает свою страну, как будто она тесна для него, и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств» [*]. В книге «О духе законов» Монтескье комментирует некоторые законы, изданные Петром I, и одобряет главным образом те из них, которые, по мнению французского просветителя, могут в той или иной степени облегчить положение крепостных крестьян. Петр I, пишет он, сделал весьма благоразумное распоряжение, которое до сих пор действует в России: дворянин собирает установленные подати с крестьян и уплачивает их царю. В случае если число крестьян уменьшается, он платит по-прежнему. Если число крестьян увеличивается, дворянин все равно не платит больше прежнего. Таким образом, заключает Монтескье, у крепостников возникает экономический интерес не притеснять своих крестьян.

Но Монтескье не только одобряет деятельность Петра, он, как мы уже отмечали, критикует его за чрезмерное проявление деспотизма, за то, что он в ряде случаев игнорировал народные обычаи и традиции. Ссылаясь на книгу Перри [**], он критикует Петра за указ, по которому подданные его могут подавать жалобы царю лишь после того, как они предварительно подадут не менее двух жалоб его чиновникам; если же третья жалоба, поданная царю, окажется несправедливой, то податель подвергается смертной

---

[*] Монтескье, Ш. Персидские письма. — С. 109.

[**] «Состояние России при нынешнем царе» (Лондон, 1716).

казни. С тех пор, говорит Монтескье, никто не решался подавать жалоб русскому царю.

В книге девятнадцатой «О духе законов» французский просветитель упрекает Петра I за недооценку своего народа, за презрительное отношение к своим подданным, достойным лучшей участи и большего уважения. «Закон, обязывавший московитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями — это наказания; есть средства для изменения обычаев — это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и что его народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью.

Он и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями. Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материи на платье, и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин.

Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями.

Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал» *.

В почтительной форме осуждая русского царя за нежелание установить более тесный контакт с простыми людьми, Монтескье одновременно стремится доказать, что возможна демократическая монархия, опирающаяся на все классы и социальные группы, в том числе из крестьян, ремесленников и купцов.

В отношении Монтескье к России с особой силой сказалось благородное стремление французского мыслителя к союзу народов под знаком равенства, свободы и просвещения.

---

* Монтескье, Ш. Избранные произведения. — С. 416–417.

МОНТЕСКЬЕ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Уже в дореволюционной России Монтескье приобрел большую популярность. Однако развиваемые им идеи вызвали противоречивые отклики среди различных слоев русского общества. Представители господствующей дворянской идеологии, включая и императрицу Екатерину II, пытались использовать непоследовательность Монтескье, его монархические идеи в интересах дальнейшего укрепления крепостнического государства. Передовые деятели русского народа, начиная с Радищева и кончая великими революционными демократами, подняли на щит передовые, просветительские идеи Монтескье, его смелую борьбу против абсолютизма, его критику церковно-схоластического мировоззрения. Вокруг литературного наследства Монтескье развернулась борьба. В результате этой борьбы попытка реакции извратить подлинный смысл прогрессивной деятельности выдающегося французского просветителя потерпела крах.

Монтескье предстал перед русскими читателями как талантливый обличитель феодально-крепостнического строя, как глубокий мыслитель и выдающийся ученый, открывший новую страницу в истории социологической мысли. В работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин отметил идейную связь между французскими и русскими просветителями, показав это на примере Скалдина, выпустившего в 1867–1869 гг. публицистические очерки под заглавием «В захолустье и в столице».

По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем, писал Ленин.

Подобно просветителям Западной Европы Скалдин был одушевлен враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной н юридической областях. Другая, характерная черта просветителя — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы.

Он отстаивал, наконец, интересы народных масс, главным образом крестьянства, искренне верил в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние.

Итак, Скалдин — буржуа, «...но необходимо оговориться,— замечает В. И. Ленин, — что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов

меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками.

Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародыше¬вом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» [*]. (Горячая вера Монтескье в общее благоденствие, его искренняя и благородная ненависть к феодальному абсолютизму с неизбежностью сделали Монтескье любимцем антикрепостнических русских писателей и публицистов, всех тех, кто мечтал о благоденствии народа и ненавидел дворянско-аристократическую верхушку.

Русские переводы главнейших сочинений Монтескье увидели свет в России еще в XVIII и начале XIX в. Так, работа «Размышления о причинах величия и падения римлян» была переведена на русский язык в 1769 г. «Персидские письма» впервые изданы в России в 1789 г., т. е, в год начала французской буржуазной революции. Главное сочинение Монтескье «О духе законов» вышло в России в 1809–1814 гг.

Екатерина II, стремившаяся прослыть просвещенной государыней, во всеуслышание объявила себя поклонницей Монтескье. Изданный Екатериной II в 1767 г. «Наказ» для членов комиссии по составлению нового уложения Русского государства прямо использует в интересах деспотической формы правления географизм [1] Монтескье; «Никакая другая власть на таком пространстве не может действовать и была бы не только вредна, но прямо разорительна для граждан». В демагогических целях Екатерина излагает в своем «Наказе» и положительные просветительские идеи Монтескье о поддержке промышленности и торговли, о веротерпимости и просвещении.

Разумеется, Екатерина отнюдь не помышляла о претворении в жизнь передовых идей Монтескье, лицемерно включенных в

[*] Ленин, В. И. От какого наследства мы отказываемся // Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 520.

«Наказ». Мало того, она предложила сенату издать специальный указ от 24 сентября 1767 г., воспрещавший чтение «Наказа» даже царским чиновникам и ограничивавший его распространение 57 экземплярами.

В работе Герцена «Русский народ и социализм», написанной в 1851 г., содержится ис¬ключительно меткая характеристика отношения Екатерины II к Монтескье и другим просветителям. «До 1789 года, — писал Герцен,— императорский трон самодовольно драпировался в величественные складки просвещения и философии. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревнями и дворцами из раскрашенных досок... Никто, как она, не умел ослеплять зрителей величественной обстановкой. В Эрмитаже только и слышно было, что о Вольтере, о Монтескье, о Беккарии[2]. Вам известен, милостивый государь, оборот медали» [*].

Герцен разоблачил лицемерие Екатерины II в ее отношении к Монтескье: нельзя одновременно быть сторонницей Монтескье и преследовать Радищева и других передовых сынов русского народа.

С искренним интересом относился к Монтескье один из сторонников Екатерины II, историк и социолог И. И. Болтин, положительно оценивавший стремление Монтескье найти в развитии общества объективные закономерности. Несколько умереннее и осторожнее поддерживал Болтин рационализм Монтескье и других французских просветителей, их отрицательное отношение к схоластическому мракобесию. По-другому подошел к Монтескье Радищев, сразу увидевший в французском просветителе борца против ненавистного самодержавия. В своем замечательном революционном труде «Путешествие из Петербурга в Москву» он ссылается на Монтескье.

Подлинное признание получил Монтескье также и у Пушкина. В неоконченной статье о Викторе Гюго Пушкин рассматривает Монтескье наряду с Монтенем, Вольтером и Руссо как лучшего писателя Франции, как славнейшего представителя ее народа. Пушкин основательно изучал работы Монтескье, особенно он ценил «Персидские письма» и «О духе законов». В работе «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин рассматривает Монтескье как на-

[*] Герцен, А.И. Полн. собр. соч. и писем. — Т. 6. — Пг., 1919. — С. 455.

циональную гордость Франции [*]. Значение Монтескье как борца против абсолютизма и выдающегося социолога хорошо понимали декабристы. Его труд «О духе законов» Пестель изучал наряду с сочинениями Руссо, Гольбаха и Гельвеция.

Огромное прогрессивное значение Монтескье отмечали революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. В «Письмах об изучении природы» Герцен характеризует «Персидские письма» Монтескье как исключительно смелую книгу и сравнивает ее с таким выдающимся произведением французского материализма, как «Система природы» Гольбаха. «Что за огромное здание воздвигнула философия XVIII века...» — писал Герцен в своем «Дневнике», имея в виду Вольтера, Руссо и Монтескье.

Революционные демократы подходили к Монтескье критически. Они справедливо выступали против непоследовательности в его взглядах, против его примиренческого отношения к мо¬нархическому режиму. В работе «Генрих Гейне» Писарев остро критикует веру Монтескье и других французских просветителей во всемогущество законодателей. «Передовые мыслители X V III века,— писал он,— были глубоко убеждены в том, что хорошее правительство может в самое короткое время поставить любой народ на высшую ступеньку цивилизации и блаженства. Мудрый законодатель и золотой век — это, по их мнению, два понятия, неразрывно связанные между собой как причина и следствие. Задача человечества представлялась в самом простом и элементарном виде: обезоружь тиранов, посади мудрецов в государственный совет и потом блаженствуй. Если ты хочешь упрочить свое блаженство на вечные времена, то наблюдай только за тем, чтобы мудрецы не глупели и не лукавили. Чуть заметил недосмотр или фальшь, сейчас отставляй мудреца от должности, замещай его новым (благодетелем и будь уверен, что блаженству твоему не представится конца. Те люди, которые веруют в конституцию как в универсальное лекарство, рассуждают именно таким образом, потому что всевозможные конституционные гарантии и уравновешивания клонятся исключительно к тому, чтобы урегулировать смещение мудрецов, пришедших в негодность, и выбор новых мудрецов, долженствующих занять их

[*] см.: Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. — Т. 12. — М., 1949. — С. 69.

место» [*]. Писарев, как и другие революционные демократы, противопоставляет вере в «конституционные гарантии» и буржуазные реформы глубокое убеждение, что только революционная борьба народных масс сможет нанести действительно сокрушительный удар по старому порядку. С иных позиций подошел к Монтескье правый гегельянец Б. Чичерин. В своей «Истории политических учений» он уделил Монтескье обширный раздел, в котором представил французского мыслителя как столпа индивидуализма и классического буржуазного либерала. Однако при всех пороках концепции Чичерина он правильно подметил ценность взглядов Монтескье на общественный прогресс и охарактеризовал Монтескье как борца против деспотизма, как противника несправедливых, захватнических войн и сторонника миролюбивых взаимоотношений между государствами. Зато он очень плоско характеризовал понимание французским просветителем свободы. Чичерин в скрытой форме выступает против тех русских мыслителей, которые, опираясь на взгляды Монтескье, ведут борьбу против царского режима. Здесь в первую очередь имеются в виду русские революционные демократы.

В 1900 г. вышел новый перевод работы Монтескье «О духе законов». Большую вступительную статью к этому переводу дал русский социолог М. М. Ковалевский. С точки зрения общей оценки взглядов Монтескье исследование Ковалевского представляет собой шаг назад по сравнению с той оценкой, какую дали французскому просветителю революционные демократы.

Ковалевский, написавший на первом этапе своей деятельности ряд ценных работ и получивший за это положительную оценку Маркса, в дальнейшем превратился в дюжинного либерала, которого В. И. Ленин характеризовал как врага революционного пролетариата. В Предисловии к новому изданию работы «О духе законов» Ковалевский выхолащивает из социологических идей Монтескье все, что могло быть использовано для революционной борьбы против русского царизма. Однако с фактической точки зрения труд Ковалевского представляет большой интерес. В частности, в нем приведен ряд фактов, свидетельствующих о влиянии Монтескье на Вольтера, Гельвеция и Дидро. Значительный интерес представляет также утверждение Ковалевского о «влиянии

[*] Писарев, Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. — М., 1949. — С. 602–603.

Монтескье на различных политических деятелей буржуазной французской революции.

В целом в оценке социологии Монтескье объективная истина была полностью на стороне революционных демократов. Классическую, до конца научную характеристику Монтескье дал марксизм-ленинизм.

***

Француз до мозга костей, Монтескье получил воистину международное призвание. Его высоко ценили и ценят прогрессивные деятели всех стран и народов. В идейном отношении Монтескье обрел в России «как бы вторую родину». Его читали и изучали все выдающиеся общественные деятели, начиная с Антиоха Кантемира и Н. И. Новикова. Глубокий анализ трудов Монтескье содержится в исследованиях советских ученых М. А. Дынника, Х. Н. Момджяна, С. Д. Артамонова, В. И. Чучмарева, А. И. Рубина, А. И. Казарина и др. Библиографией произведений Монтескье занимается А. П. Примаковский.

В 1955 г. были опубликованы Избранные произведения Монтескье под редакцией и с вступительной статьей автора настоящей книги (в ней частично использованы материалы из этой статьи). По постановлению Всемирного Совета Мира двухсотлетняя годовщина со дня смерти Монтескье была широко отмечена в 1955 г. мировой общественностью.